

Владимир Биbihин

*Для служебного пользования*ⁱ

Власть начала искать идеологические альтернативы марксизму рано. Уже в 1973 году мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие. В те же годы нас, природных диссидентов, допустили к деньгам, которые органы выделили на идеологическую разведку альтернатив. Почему поиски открытости были опять секретными, надо понимать из привычки власти, страны и каждого в стране, давней московской привычки не любить вече, деловито обходить общину, провоцировать всякое собрание народа на конфликт, а потом среди неразберихи выполнять специальные задания.

На выделенных деньгах как грибы выросли или разрослись уже существовавшие институты и сектора идеологической информации, вдобавок к издавна существовавшей научно-технической. Вообще научных институтов в стране было много, и у меня в ушах до сих пор звучит сердитый голос шотландца на британской сельскохозяйственной выставке, который возился со своими экспонатами и ворчал: «Они все из институтов, нечего с ними разговаривать». То, что готовили, переводя и реферируя «западных авторов», младшие научные и научные сотрудники, включалось в «номерные» сборники ДСП (для служебного пользования), т.е. такие, каждый экземпляр которых нумеровался и под своим номером рассылался по особым (специальным) спискам ответственных работников, допущенных к идеологической информации. Так можно было контролировать утечку сборников. Внесписочные читатели поэтому иногда стирали номера. Теоретически каждый изготовитель сборников ДСП оказывался приобщен к государственной тайне и не имел права выезда за границу. Правда, о случаях реального применения этого правила не было слышно, здравый смысл как всегда потеснял придуманные нормативы.

Допуск в *спецхран* библиотеки, поручение прочесть и изложить западного автора давало свободу от сидения «на службе»,

ⁱ Владимир Биbihин. *Для служебного пользования* © Биbihин В. В., наследники (1999).

возможность отвести душу среди голосов свободного мира и открытого общества. Всё портило то, что нельзя было говорить тем же непоставленным голосом что западные люди. Если референт не делал время от времени словесного жеста отстранения («но вы понимаете, *они* говорят, не мы»), ему грозило не показаться своим человеком. А ведь изложить *их* сдавленным горлом было по существу невозможно. Философы и публицисты свободного мира с их тысячелетней привычкой к политической свободе в наших изложениях неприметно дичали, начинали кричать в вызывающем тоне бунтарей. Фатальное изменение тона, неизбежное упущение живого контекста, не говоря уж о спешности рефератов и выборочности переводов, делало всю массу новой идеологической информации проблематичной.

И сейчас я не знаю, нужна ли была та отдушина для многих. Об оккупированных скифах на территории теперешней России сообщали, что они прятались от оккупантов с каменным грузилом под водой, дыша через камышовую трость; враги с лодок вгоняли те трубки им в горло. Говорить о первых ласточках духовной свободы, об интеллектуальном питании в ситуации духовного голода или о школе новой политико-идеологической немарксистской элиты применительно к потоку закрытой литературы неудобно. Слишком криво и рвано всё было поставлено. Первые ласточки ориентировались на западные новинки четвертьвековой давности, доступ к вольной литературе оставался скудным. Высокопоставленной элите был сделан сомнительный подарок. Ей преподносили скандальные полусведения вместо основательной или хоть сколько-нибудь строгой школы социальной мысли.

Но что было, то было. Как трава среди камней, люди с идеологическим заданием в спецхранах забывались, пробивались к свету. Они возвращались к своей природе, росли, просыпались для настоящего, нужного, меняли глаза. В номерных политико-идеологических информативных изданиях слышится невольный тон жалобы и доноса — как, надо сказать, почти во всей нашей словесности. Люди зывают к правде, словно есть инстанция, которая наконец услышит и найдет в себе силу повернуть течение дел из тупика по крайней мере к разуму, если не сразу к истине. Конечно, было наивно думать что просвещенное начальство имело свободу действий и в его решении искать выхода таилось что-то бескорыстное. Оно едва ли могло и явно не хотело взять на себя какую бы то ни было ответственность

за перемену курса. Только ослабление отчетливой воли власти сразу почувствовали все. Оно стало молчаливым разрешением на некоторую свободу.

Свободу мысли? Нет, одной ее показалось сразу мало. Надо спросить у истории московского человечества, почему от бесконечного терпения у нас такой маленький шаг до радикализма. Случилось так, что при первом веянии перемен сразу четверо из восемнадцати сотрудников сектора научной информации Института философии Академии наук с отчаянной решимостью выбрали эмиграцию. Владимир Корнелевич Зелинский, не борец по природе и воспитанию, достаточно обеспеченный и академически спокойный, в этом пункте почти не имел колебаний, разве что только вид храма Ильи Обыденного на горке между началом Остоженки и набережной вводил его иногда в недолгие сомнения. Готовность порвать со всем здешним далась ему в конечном счете без крайних усилий. Прорваться к свободе сделал робкую полупопытку Лев Каганов, еще в конце 60-х то ли попросивший, то ли нет политического убежища в Швеции. Упрямец всех вел себя Юрий Мальцев, как до, так и после увольнения отстаивавший свое конституционное право сменить страну проживания на Италию, пока не получил наконец в 1975 разрешение на выезд в Израиль. Позднее он, уже преподаватель русского языка и литературы в Милане, вынесет уникально жесткий приговор всему, что пишется и делается в нашей стране, как неисправимо порченному, зараженному рабством, явно или неявно отравленному тиранией. Надо сказать, что уехавшие имели на Западе утешение достигнутой цели, но не избавились от недовольства.

Когда Владимира Зелинского исключали, в секторе информации Института философии все автоматически должны были подать заявления об уходе. Почти все потом, правда, по приглашению начальства написали заявления с просьбой принять их обратно на работу и в основном вернулись. Заведующая сектором энергичная и независимая Инна Семеновна Шерн-Борисова — она славно поступила, когда в сталинские времена на защите диссертации расцарапала лицо официальному оппоненту, нашедшему у нее вражескую идеологию, — была уволена и через год скончалась от скоротечной болезни. Ее заместительница и подруга Антонина Васильевна Дерюгина не выдержала напряжения разгона; никогда уже резкий тон проклятия не ушел из ее голоса, подозрение из взгляда.

Все успели заразиться свободой Зелинского. Это он впер-

вые включил в плановый сборникⁱ керкегоровское «Введение в христианство» в старом переводе А. Ганзена, и туда же, в наших переводах, 4 статьи Карла Барта, три Пауля Тиллиха, фрагменты писем и записок из тюрьмы Дитриха Бонхёффера. Красавица и умница Наташа Артемьева поместила последним из этих фрагментов:

Мы были молчаливыми свидетелями зла. Много бурь пронеслось над нашими головами. Мы научились искусству обмана и иносказания. Опыт сделал нас подозрительными и лишил нас открытости и откровенности. Мучительные конфликты утомили нас и даже сделали циниками. Остались ли мы прежними? Нам будут нужны не гений, не циник, не мизантроп, не искусный тактик, а честные, прямые люди. Хватит ли у нас душевных сил и достанет ли у нас правдивости и беспощадности к себе, чтобы отыскать путь назад к искренности и простоте?ⁱⁱ

Теперь не абсурдно спросить перевод Бонхёффера в книжном магазине. В эпоху закрытых информативных изданий почти не было слышно, чтобы те книжечки кто-то кому-то продавал, по крайней мере в нашей среде такое никому не могло прийти в голову. Конечно, те, у кого в руках правдами и неправдами застревали нумерованные экземпляры «для служебного пользования», давали их другим. В официальные списки рассылки изготовители сборников не включались. Иметь экземпляр, не больше, негласно иногда разрешалось или, вернее, не вполне запрещалось только непосредственному автору.

Доказывая тем невольно правоту Юрия Мальцева, люди, способные работать, тратили свои основные силы на то, чтобы внушить начальству, например, продолжающуюся актуальность Гегеля и соответственно необходимость посвященного ему сборника. Начальство невыразительно соглашалось, и мы вскоре радовались, с гордостью показывая в своем кругу первого русского Хайдеггераⁱⁱⁱ, напечатанного смазано и бледно на старом ротاپринте тиражом 250 экземпляров. Этот философ был, грустно сказать, в 1974 году еще новинкой. Даже для А. Ф. Лосева «Учение Платона об истине» оказалось в 1967 новостью. Так велико было отставание в философии (не в лингвистике, тем более не в науках,

i Для служебного пользования. Экз. № 242. Современный протестантизм. Часть I. Редактор В.К.Зелинский. Москва: Институт философии АН СССР. Сектор научной информации и реферирования зарубежной философской литературы 1973, с. 2–46.

ii Там же, с. 180.

iii М. Хайдеггер. Гегель и греки; Г. Гадамер. Гегель и Хайдеггер // Для служебного пользования. Экз. № 242. Диалектика Гегеля в оценке современных западных философов. Часть I. М.: ИФ РАН 1974.

даже не в богословии), что на фоне неосведомленности всякий луч света вызывал эйфорию и всплеск фантазий.

Чего другого можно было ждать. В школе вы до выпускного класса слышали имена гениальных мыслителей Маркса, Энгельса, соответственно Фейербаха и Дюринга, а последним словом упадочной западной мысли вам называли экзистенциализм, проповедь приятной жизни и чувственных удовольствий. Ободренные отличным окончанием школы, вы плотно готовились летом к поступлению всё же на философский, только на философский факультет МГУ, готовили отечественную историю по толстой Нечкиной, классиков по полным изданиям, пропитывались таинственной тишиной Ленинки, выучивали стенографию, чтобы в сентябре не пропустить ни слова профессоров. Вы входили затаив дыхание для экзаменов в святую факкультетского здания, которому только чуда и тайны прибавляли покосившиеся ступени порога, гнущиеся доски фойе и сырой коридор. Горько было, что как раз на самом простом для вас экзамене, сочинении, вы получали единственную четверку — нельзя было видеть за что, — и не находили себя в списке принятых. Только несколько лет спустя вы узнавали от отца, что ваш классный руководитель, учитель истории, нашел незрелыми ваши дерзкие заметки в затеянной вами классной стенной газете «Вверх дном» и написал соответствующую выпускную характеристику. — Оставалась загадочная Москва, замороженная деловая тишина большой комнаты на втором этаже в начале Кузнецкого моста, редакции журнала «Театр», принятие вашей рукописи в газете «Советская культура» («Хотите знать, чем живет сегодняшняя школа? Читайте роман Галины Николаевой...»). Только опять вдруг необъяснимым холодом веяло от редактора, когда в длинной беседе с ним на неожиданный вопрос, как вы относитесь к нашему капиталистическому окружению, вы отвечали, что с соседями надо искать общения.

Так получалось, что когда ваш ровесник в Германии готовил докторскую диссертацию по философии, вы возвращались домой после трех лет в армии уже без мыслей о философском факультете, с идеалом народной простоты и физического труда. Нужны были годы, чтобы высшее образование снова начало манить вас, только уже не философия, а иностранные языки. После переводческого факультета, поскольку вы умолили отдел кадров поменять вам распределение с группы просмотра западной прессы в Главлите на преподавание в МИМО, поскольку вам предло-

жили уйти из МИМО по собственному желанию, поскольку вы потом разошлись в методике преподавания с Ахмановой и вынуждены были расстаться также и с историческим факультетом МГУ, то приходилось быть безработным под угрозой уличения в тунеядстве. Совершенным чудом попав в рай сектора информации Института философии, вы находили имя вашего немецкого сверстника в библиографии, откуда могли теперь выбрать его для перевода и реферата.

Не в том беда, что он тем временем, спокойно и систематически работая, успел далеко уйти вперед. Хуже было то, что вы следили теперь за ним из ниоткуда, из темноты. То, что он делал на свету, изложенное вами, шло в далекие кабинеты и в закрытые отделы библиотек. То, чем вы занимались, было не философией, а только информированием, и академик Ойзерман возмущался на дирекции, что переводческому сектору хотя и можно доверить перевод Вернера Гейзенберга, но ведь нельзя же доверять сам выбор переводимых глав.

Мы хвалились достижением в 1975 году: две книжечки хороших авторов о слове, почти половина «Пути к языку» Хайдеггера, тексты Мерло-Понти, Ортеги-и-Гассета, Сартра, Витгенштейна¹. Но наш друг, молодой Франсуа Федье во Франции, перевел «Путь к языку» раньше, причем полностью и с научным аппаратом, а главное, его работа тут же вошла частью в разрастающуюся массу французской и мировой хайдеггерианы, а мы — я помню, с какой жадностью мы смотрели на убывающую стопку этих сборников, которые наш сектор сам должен был хоронить в пакеты для рассылки, надписывая адреса библиотек и учреждений, где все эти переводы должны были глухо лечь в спецхранах. Один экземпляр, № 110, я все-таки украл, и добрая секретарша сектора сделала вид что не заметила. Из-за того, что с самого начала нами не чувствовался читатель, эти переводы странно звучали, и когда все они пошли наконец в 1990-е годы громадными тиражами в открытую печать, необходимость переделки была очевидна. А тот 150-тысячный тираж? Он ушел как в сухой песок, без откликов. Переводчик-составитель толстого сборника хайдеггеровских переводов за годы труда был награжден гонораром, сумма которого звучала как откровенный совет бросить это дело и приняться за добывание настоящих денег. Когда наконец тот массовый Хайдеггер вышел, с Запада

¹ Для служебного пользования. Экз. № 110. Онтологическая проблематика языка в современной западной философии (Сборник переводов). Ответственный редактор И. С. Шерн-Борисова. Москва: Институт философии АН СССР, Сектор научной информации 1975.

уже шла волна тотальной деконструкции, и люди, едва проснувшиеся в России от «раннего Маркса» для знакомства с главной мыслью 20 века, поспешили опережая события захлопнуть эту мысль как преодоленную. Что шло с самого начала не впопад, то и перевернувшись не вставало на ноги.

Наш сектор всем своим рабочим временем почти в порядке крепостной зависимости принадлежал директору. Богатый Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) при АН смог втягивать в ту же работу всю интеллектуальную Москву уже как вольнонаемных тружеников. Но, как ни странно, более свободные авторы ИНИОНа в своей преобладающей массе не могли устоять перед соблазном идеологической корректности и информировали власти главным образом о том, что полагали им приятным. Редко кто догадывался о том, что ищущая верхушка власти уже давно приглядывалась к нищим интеллектуалам. Правда, помочь им при своей ограниченной свободе она могла только тем, что мало откликалась на ревнивые инициативы среднего звена. Это среднее звено, злорадно глядевшее как на смертника на младшего научного сотрудника, спрятавшего свою богословскую статью в «Журнале Московской Патриархии» под псевдонимом, недоумевало, почему не срываются посланные куда надо сведения.

Неблагодарное дело терпеливого обучения начальства каралось немилостью непосредственного руководства, раздражавшегося, когда ему доказывали, что белое это белое. Сил на тщательную работу над текстом, как уже говорилось, оставалось меньше. Казалось достаточным уже то, что важные имена хотя бы упоминалисьⁱⁱ. Это казалось оправданием перед внутренней неофициальной критикой. Внешней в отношении режимных изданий в принципе не могло быть.

Задолго до мировой известности Умберто Эко у нас обратили на него внимание. Уже тогда нам было понятно, насколько неверно его отнесение к структуралистам. Но мы все-таки с нетерпимым по западным меркам опозданием на 5–10 лет рефери-

ii *М. Хайдеггер. Тезис Канта о бытии; К. Ясперс. Радикальное зло у Канта. Х. Ортега-и-Гассет. Кант. Размышление о двухсотлетии // Для служебного пользования. Экз. № 153. Философия Канта и современность (Сборник переводов). Части 1-2. Москва: ИФ АН СССР, Сектор научной информации 1976. Для служебного пользования. Экз. № 153 (Этот экземпляр предназначался для отсылки Суходееву — кто он? Не было случая, чтобы кто-то из номенклатуры обращался к нам с просьбой о «сборниках». Были случаи, и не раз, когда при обысках у диссидентов находили номерные издания, и начиналось расследование. В разгоне людей из нашего сектора такие случаи должны были играть какую-то роль, хотя, насколько я знаю, и не главную. Что за хранение номерных сборников меня могут привлечь к ответственности, я боюсь и теперь, весной 2001 года.)*

ровали его *Opera aperta* (Milano: Bompiani 1962)ⁱ и *La struttura assente* (1968). В те же годы мы заметили, выделили и стали разбирать Жака Деррида, еще мало окруженного журналистским ореолом.

Нашим кругом общения оставались мы сами. Правда, между своими понимание налаживалось быстро, и, скажем, гениальный Дмитрий Ляликов свою сводку о Пителиме Сорокине напечатал в Грузииⁱⁱ. Что там было временно легче дышать, видно уже по тому, что экземпляры, имевшие на обложке место для номера, не были пронумерованы от руки, по крайней мере тот, которым я пользуюсь.

К концу семидесятых годов московский ИНИОН размахнулся до тысячных и двухтысячных ротапринтных тиражей терпимого полиграфического качества. Некоторые сборники состояли из полнометражных научно-философских статей, например обзоров французской, американской, немецкой феноменологии, с общим списком литературы в 324 позицияхⁱⁱⁱ. К сожалению, из-за закрытого характера сборника никто не мог возразить на тезисы его авторов-референтов, что феноменология — это «эзотерическое философское направление», что о ее кризисе говорят попытки связать ее с аналитической философией, что она развивается на почве религиозного идеализма; никто не мог их одернуть замечанием, что автора уничтожающего «Письма о гуманизме» неловко называть «ученым гуманитарного направления» и что *sich-sagen-lassen* ни при каких условиях не «принуждение к речению». Абсолютная невозможность посторонней критики становилась еще одной причиной, почему наши общественные науки, особенно философия, продолжали представлять для Запада в основном только этнографический интерес. Боюсь, что за грифом секретности многие чувствова-

i *Умберто Эко. Открытость произведения искусства // Для служебного пользования. Экз. № 108. Некоторые проблемы современной зарубежной эстетики (Сборник переводов и рефератов). Часть II. Москва: ИФ АН. Сектор научной информации 1976, с. 26: «Непрестанно осуществляя свободный выбор и сознательно и постоянно отвергая стабилизированные картины мира», искусство, по убеждению У. Эко, «является орудием освобождения, которое действует уже не только на уровне эстетических структур, абстрактно рассматриваемых в их исторической и формальной эволюции, но и на уровне воспитания в современном человеке способности к самоопределению».*

ii *Пителим Сорокин. Социальная и культурная динамика. Научный обзор Д. Ляликова // Для служебного пользования №..... Проблемы аксиологии (Реферативный сборник). Философия. Тбилиси: АН ГССР. Сектор научной информации по общественным наукам. Издательство «Мецниереба» 1976, с. 107-160.*

iii *Для служебного пользования. Экз. № 001973. Природа философского знания. Часть II. Современная феноменология: состояние и перспективы (критический анализ). Том 1. Сборник обзоров. Москва: АН СССР. Институт научной информации по общественным наукам 1977.*

ли себя в привилегированном положении, защищенными от характеристик, которыми вольные западные рецензенты отмечали иногда публикации в нашей открытой печати, вроде «патетического невежества Кувакина» или «полной профессиональной некомпетентности Зиновьева».

В «закрытых» сборниках интереснее были конечно не авторские статьи наших новых отечественных мыслителей с их чересчур уверенными суждениями, а переводы и рефераты. По замыслу они были дайджестами западной литературы. Многие портила однако та же неподотчетность. Под грифом секретности референт оставался наедине с собой, будучи обязан отчитаться по существу только в количестве оплаченных страниц. Когда предисловие к изданию объемом в 12 печатных листов обещало «развернутые рефераты наиболее значительных работ по феноменологии»^{iv}, то в такой постановке задачи расхолаживал тот же захватнический размах, что и во всей политике государства. Имея рецензентом собственно только сотрудника бухгалтерии, подсчитывавшего количество знаков в опубликованном тексте, средний референт безысходно эквilibрировал на грани вразумительности между банальностью и мерцанием смысла:

Философия для Мерло-Понти не знает окончательных ответов; она есть в сущности своей вопрошание. Называя себя экзистенциалистом, Мерло-Понти утверждал «вовлеченность» философии в жизнь мира, невозможность отвлеченной позиции. Но и здесь он стремился к равновесию между вовлеченностью и независимостью, к философствованию в мир [sic], не будучи поглощенным им [?].^v

Всё прояснялось, когда редактор был по-настоящему увлечен темой и подбирал себе таких же энтузиастических референтов и переводчиков. Самой свободной от идеологического надзора в философии была область теории науки. Если отвлечься от общих сомнений в пользу философского теоретизирования о науке и для философии и для науки, то здесь наши исследователи достигали результатов, сопоставимыми с западными в той же области^{vi}. Ощущение реального дела в руках заставляло открытыми и доверчивыми глазами смотреть вокруг, в частности, надеяться на здравый смысл правящей идеологии и на возмож-

iv Для служебного пользования. Экз. № 001773. Природа философского знания. Часть II. Современная феноменология. Том 2. Реферативный сборник. Москва: АН СССР, Институт научной информации по общественным наукам, 1977.

v Там же с. 65.

vi Для служебного пользования. Экз. № 000974. Методологические проблемы генезиса науки. Реферативный сборник. Отв. Ред. Л. М. Косарева. Москва: АН СССР, ИНИОН, 1977.

ность подключить ее гигантские ресурсы к работе:

Высказывая отношение к интернализму и экстернализму, нельзя забывать слов В.И.Ленина о том, что марксисты должны суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые достигнуты буржуазными исследователями.ⁱ

Добрая душа, напоминая об этом власти, не умела по своей простоте догадаться, что чем выполнять то указание Ленина, номенклатуре легче сбросить самого Ленина и выйти на оперативный простор без всяких общекультурных директив свыше.

Беструдным выходом из идеологического тупика властным стратегам представлялся, как уже говорилось, православный патриотический вариант. Религия по крайней мере с конца 1970 годов оказалась среди заметно финансируемых областей информации. Если бы составители рефератов уверенно формулировали себе, чего от них практически хочет начальство. Начальство однако стеснялось сознаться в своих мечтах. Референты соответственно увлекались идейно-теоретическими парениями на христианской почве, обходили трудные вопросы практики, не забывали застраховать себя изобильным попутным пророчеством о закате Европы.

Таким образом, очевидно, что леворадикальная теология является одной из форм буржуазной идеологии. Она использует персонализм Мунье для того, чтобы создать новую привлекательную для масс концепцию христианства, мистифицировать учение о социальной революции, обеспечить идеологическую и политическую нейтрализацию социального протеста трудящихся масс.ⁱⁱ

Каждые две буквы подобной закрытой научной информации оплачивались старой весомой копейкой из кассы ИНИОНа. Власть, конечно, получала из всего того мало пользы. Но она постепенно укрепляла сама себя в своих тайных планах простым объемом заказанной ею литературы. Пусть не давая власти почти ничего практически, реферативная литература позволяла оперировать религией как объектом среди прочих. Здесь самые отвлеченные интересы научных сотрудников и самые практические цели власти сходились. Общее признание кризиса христианства тоже было удобно власти, благословляя ее видеть в религии теперь уже просто материал для обработки.

ⁱ Ук. соч., с. 34.

ⁱⁱ Для служебного пользования. Экз. № 000046. Современный персонализм и религия. Научно-аналитический обзор. Москва: АН СССР, ИНИОН 1977, с. 57.

Попытки отстоять позиции религии в борьбе с растущим влиянием научного социализма — еще одно свидетельство кризиса религии, являющегося составной частью общего кризиса буржуазного сознания.ⁱⁱⁱ

Внутренние противоречия актуализма привели к кризису и распаду этого течения.^{iv}

Кризис религии находит свое выражение в ее несоответствии современному уровню знания.^v

Эти тенденции — выражение своеобразного симбиоза философии и религии, переживающих глубокий кризис в рамках общего кризиса буржуазной идеологии.^{vi}

Беспартийные и непредвзятые попытки следить за движением западной религиозной мысли^{vii}, когда давали о себе знать, урезались редактированием, получали идеологическую маркировку без совета с наивным референтом. Напрасно он воображал что в закрытом номерном издании его пропустят как он есть.

Краткий обзор за пять лет материалов одного из ведущих теолого-философских католических журналов свидетельствует, какую большую роль идеологи религии отводят философской аргументации, как они стремятся использовать инструментарий современной буржуазной [слово вставлено редакцией] философии.^{viii}

В целом, правда, редакторская цензура была поверхностной, касалась больше начал и концовок текстов.

Фейерверк пестрых обзоров никем не обозревался. Авторы номерных сборников теоретически не должны были читать друг друга, практически они этого не делали. Так, изложение хайдеггеровской «Феноменологии и теологии» М. Рыклин давал в ИНИОНе по оригинальному изданию^{ix} без упоминания об имеющемся недавнем полном переводе этой работы на русский язык в закрытом сборнике Института философии.

Хорошей стороной относительной свободы была возможность думать по ходу письма, развивая смысл источника. Тогда, как уже цитировалось выше, текст повертывался к реалиям и

iii Для служебного пользования. Экз. № [номер соскоблен]. Серия: Проблемы религии и атеизма за рубежом. Реферативный сборник: Зарубежные концепции философии религии. Москва: Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам [совместно с:] Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма, 1977, с. 12.

iv Там же, с. 20.

v Там же, с. 69.

vi Там же, с. 220.

vii Теология и философия (научно-аналитический обзор журнала "Theologie und Philosophie") // там же, с. 221-228.

viii Там же, с. 248.

ix Для служебного пользования. Экз. № [номер соскоблен]. Серия: Проблемы религии и атеизма за рубежом. Идеализм и религия. Реферативный сборник. Москва: АН СССР, ИНИОН, АОН при ЦК КПСС, Институт научного атеизма, 1977, с. 272-276.

приобретал достоинство прямой постановки вопросов.

Возможно, критика Фрейда еще недостаточно оценена, и церкви еще предстоит познать, сколь большую роль играют в ней авторитарность, подавление, нравственное принуждение за счет бессильного и бедного грешника — верующего, который во всем чувствует свою зависимость от нее. Не скрыта ли в критике религии со стороны психоанализа и атеизма новая возможность развития христианства?²¹

При отсутствии отклика мысль от изложения переходила к свободному раздумью по поводу прочитанного. Временами засекреченная литература поднималась до настоящего осмысления ситуации. Пусть лишь в малой мере участием в общей работе, но хоть личной школой прояснения нашей ситуации для непосредственных создателей информации номерные издания служили. Когда беспартийным стало можно говорить в университете, когда цензура стала только финансовой, у многих референтов, переводчиков благодаря 15 годам более близкого знакомства с западной мыслью оказалось что-то наработано и для самостоятельного выступления.

Приобретение читателей засекреченных сборников оказалось гораздо более сомнительным. Неизбежная обрывочность сведений, беспокойный тон рефератов, пикантность непривычного взгляда, а главное, утрата почвы делали реферативный калейдоскоп скорее отравой чем питанием. Не на этих ли отчасти дрожжах возшло демократическое мечтательство перестроечных лет. Старое радикальное полужайство родило новую абстрактную конституцию не хуже сталинской, прекраснодушные проекты и придуманные правила, провоцирующие на несоблюдение своим отвлеченным идеализмом. Пусть меньшее богатство идей, но вовремя пущенных в открытый общественный оборот, стало бы достаточной прививкой от демагогии. Бывший референт и переводчик многих изданий ДСП, спрашивая себя сейчас по совести, вынужден в конце концов признать: нет, заниматься следовало по-настоящему все-таки независимым исследованием или открытым общественным заказом; деньги за работу, скрываемую от тех, кому она всего нужнее, ты имел право брать только в случае совсем уж крайней нужды. Теперь, когда разжижилась прежняя вязкость московской среды, можно уверенно думать и говорить, что воздух в стране был бы хоть и проще, но чище, если бы обществоведения «для служебного пользования» никогда не существовало.

²¹ Там же, с. 230.

Иначе все рисовалось в те годы, когда Нью-Йорк снился, поездок за границу без партийного задания и инструктажа не могло быть, бессильная ярость брала читателя у каталогов современной литературы, и надо было получить драгоценный *допуск* в закрытый *спецхран*, чтобы прочесть последний роман Грэма Грина и публицистику Эжена Ионеско. Литература, официально закрытая таможенниками-литературоведами на границе, оставалась запечатанной в переводах и рефератах для служебного пользования.

Ее выход на свет произошел не за счет тиражей, а благодаря звездам, таким как знаменитая Рената Гальцева, которая при жизни стала легендой. После выхода последних и самых важных томов Философской энциклопедии, расшатавших официальную идеологию («это был наш маленький крестовый поход», сказал потом Аверинцев), Гальцева перешла на работу в ИНИОН. Ее увлеченность и упорство сделали так, что сама позорная закрытость *сборников* создала захватывающую интригу, стала обсуждаемым событием.

Начало восьмидесятых стало временем расцвета засекреченной информации об общественных науках за рубежом, как конец восьмидесятых привел к ее полной отмене за ненужностью в наступившей свободе печати. Может быть, самым знаменитым стал не раз переиздававшееся потом в открытой печати, созданный исключительно волей Гальцевой сборник переводов и рефератов в трех выпусках с амбициозной претензией на анализ судьбы европейских искусства и культуры. С каким скрипом материалы сборника, в основном давно подготовленные для возможного издания их авторами — известными всем, как например Аверинцев, знатоками и профессионалами (еще более известными сейчас, но отчасти разъехавшимися по свету), — достигали конечно не одобрения, а кривого согласия начальственных идеологов, видно из расстояния в четыре года между первой и третьей книжками общим объемом около 45 авторских листов.

Людей, даже не входивших в списки рассылки и вообще не видевших закрытые сборники, веселили анекдоты о том, как Рената Гальцева доказывала солидному начальству нужду в Шпенглере и Юнге, неотступно добивалась получения тиража в свои руки, сама составляла списки рассылки, при необходимости обманывала недреманое око. Чтобы ее заявки на издания выглядели весомее, она приглашала в редакционную коллегия именованных либералов. Доктор философских наук прогрессивный

Арсений Владимирович Гулыга, почти академик широкая душа Александр Георгиевич Спиркин, летний съемщик его дачи сам Алексей Федорович Лосев призваны были весом своего номинального участия убедить ответственного идеологического работника, заместителя директора ИНИОНа Марлена Павловича Гапочку, что труды Йохана Хейзинги и Макса Вебера «являются предметом пристального исследовательского внимания со стороны представителей самых различных областей общественности, что получило, в частности, отражение в многочисленных монографиях, журнальных и энциклопедических статьях — как в нашей стране, так и за рубежом»ⁱ. Чеканное заклинание. Упоминание Маркса в изданиях, которые вела Гальцева, допускалось только со скрытым ироническим смыслом.

Если в редколлегиях Гальцевой сияли свадебные генералы, то реально над ее сборниками работали лучшие умы Москвы. Аверинцев переводил, выбирая самые важные места, запоздавший в Россию второй том «Заката Европы» и статьи Юнга, первоклассный германист Владимир Ошис (теперь в Израиле) — главы из «*Homo ludens*» Хейзинги, всеми уважаемая Пиам Павловна Гайдено — программный текст Макса Вебера.

Строгие законы жанра писаны конечно не для Москвы. В примечаниях к тому, что предполагало быть сухой научной информацией, Аверинцев давал критический анализ всего шпенглеровского метода:

*С исторической эмпирией это имеет мало общего. Положение усугублено тем, что само понятие религии отличается у Шпенглера крайней расплывчатостью и не отмежевано с одного конца от мифа, с другого края — от метафизики. Тем более не проведено никакой дифференциации между различными уровнями религии в собственном смысле слова: верования и переживания дикаря, израильского пророка, античного неоплатоника, индийского йога, Франциска Ассизского, Паскаля и американского квакера [...]*ⁱⁱ

Совсем оставив Шпенглера, Аверинцев в тех же «примечаниях» у нему развертывал захватывающую концепцию жесткого вероучительного догмата как побочного продукта строгой философии:

[...] структура символической системы мифа предполагает [...] поглощенность смысла образом [...] Но когда дело доходит до построения догматики, интерес к нагому

i Для служебного пользования. Экз. № 000251. Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX века. М.: ИНИОН 1979, с. 3 (От редколлегии).

ii Там же, с. 101.

смыслу настолько насыщен, что последний необходимо должен выявиться, эксплицироваться в формуле. Все ужасы религиозной нетерпимости средневековья — естественная оборотная сторона этого голода по нагому и безусловному смыслу. Уже из того, что вплоть до возникновения философии греки довольствовались мифологией, т.е. не вылученным из опредмечивающей оболочки смыслом, доказывает, что ничего похожего на духовные битвы раннего христианства архаическая Эллада не знала.ⁱⁱⁱ

Попутно в этих энциклопедических примечаниях Аверинцев сообщает дату возникновения розария, его текст и практическое руководство к нему, рассказывает предысторию и суть догмата о непорочном зачатии. В сносках к Юнгу он между делом дает сведения по истории детства, недавно пригидившиеся, кстати, известному искусствоведу:

Архетипы рождения и новорожденного младенца играют не одинаковую роль в различные историко-культурные эпохи: они крайне характерны для мифологии и искусства средиземноморской архаики (например, для культур эгейского Крита или догреческой Малой Азии), но в эпоху классического эллинизма почти совершенно исчезают, так что в аттическом искусстве боги-младенцы оборачиваются юношами, а впоследствии, в эпоху тотального кризиса античного мира, они вновь приобретают неимоверную популярность, достигающую своего апогея в раннем христианстве, на знамени которого было написано: «Если не будете, как дети, не войдете в царствие небесное». Затем в средневековом искусстве дети снова исчезают, чтобы появиться в искусстве Ренессанса и затем в кризисную эпоху буквально заполнить живопись и скульптуру в виде ангелов и амуров. Подобное же значение историко-культурного симптома имеет и феномен «инфантилизма» в современном искусстве.^{iv}

В те же примечания Аверинцев вмещает краткий оригинальный трактат о гермафродите с экскурсом в христологию и с предвосхищением феминистских тем. Традиционный образ Христа, говорится здесь,

не есть уже образ «мужчины», но образ «человека» [...] черты, которые были бы исключены из ригористически «мужественного» образа как «девические» и потому неуместные [...] В искусстве Леонардо да Винчи Иоанн Креститель и Джоконда — это, собственно, один и тот же образ; не лицо того или иного пола, культивирующее в себе черты этого пола, но свободная человеческая личность, с полной

ⁱⁱⁱ Там же, с. 102.

^{iv} Там же, с. 212.

ясностью и уравновешенностью противостоящая познаваемому ею миру.ⁱ

Разброс аверинцевской эрудиции тревожил бы несобранностью, если бы не радость открытия культурных богатств, казалось бы, навеки убранных властью в запасники. Печально, что открытие это торжествовало в закрытом издании.

Пиама Гайденко с обстоятельной серьезностью объясняла в сносках к Веберу университетскую традицию Германии, связывая ее с протестантским характером религиозности в этой странеⁱⁱ, и различия философских течений эпохи. Примечания к Хайдеггеру разрослись в том же сборнике шире его текста. Реферативная работа такого рода вполне могла бы развернуться в полноценную школу гуманитарного исследования.

Но противление ближайшего начальства было слишком плотно. Выпуск 3, последний в столь блестяще начатой серии, задержался на 4 годаⁱⁱⁱ. Редколлегия и исполнители остались прежними. Гальцевой теперь помогала энтузиастка дела, литературный редактор Валентина Листовская. Подбор текстов (Франсуа Мориак, Эжен Ионеско, Генрих Бёлль, Роберт Пенн Уоррен, Джон Гарднер), старательность исполнителей всех трех номеров серии оказались таковы, что с наступлением гласности все эти тексты без каких-либо изменений были переизданы тиражом 75 тысяч^{iv} и еще раз недавно в более полном виде хорошим современным тиражом^v. Рената Гальцева внесла мелкую правку в свое предисловие двадцатилетней давности, полагаясь на продолжающуюся актуальность его звучания:

Самосознание современности [...] эпохи, которая отмечена регистрацией «смертей», «закатов», «сумерек» и «концов», — выражает определенный перелом в основных традициях западноевропейского мышления.^{vi}

Легче проходили через начальственные инстанции материалы, послушно отвечавшие двум главным требованиям начальства: чтобы все сообщения были введены в идеологические

i Там же, с. 215.

ii Там же, с. 270.

iii Для служебного пользования. Экз. № 000718. Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в. (Диалог писателя с современным миром: Европа и США). Выпуск 3. Реферативный сборник. Москва: ИНИОН АН СССР 1983.

iv Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Издательство политической литературы 1991.

v Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М. — СПб: Университетская книга. Культурная инициатива 2000. 638 с. Тираж 3000 экз.

vi Ук. соч., с. 9.

рамки и чтобы ненужная гуманитарщина была высушена до деловитой информации. Конечно, хотелось бы получить, например, одну из книг Клода Леви-Строса в полноте. Приходилось однако довольствоваться «краткой антологией статей французского ученого», сожалея вместе с переводчиком-составителем о том, что она «естественно, не претендует дать сколько-нибудь исчерпывающее представление о творчестве Леви-Строса»^{vii}.

Проходимость текстов через дирекцию помогали sacramентальные фразы, без которых имела мужество обойтись почти только одна Гальцева.

Советские ученые [...], зарубежные марксисты [...] в своих трудах раскрыли ошибочность исходных теоретико-методологических посылок леви-стросовской концепции ментальных структур, содержащей в себе антиисторическое идеалистическое допущение единообразной работы человеческого духа во все времена и у всех народов.^{viii}

После столь сурового приговора, в другие времена имевшего бы уголовный смысл, референт ради успокоения начальства, которое могло решить, не дай Бог, что информировать о столь ошибочном авторе несмотря на его известность пожалуй все-таки нецелесообразно, брал на свою совесть не совсем точное сообщение о якобы пройденной и Леви-Стросом тоже марксистской школе:

Для характеристики взглядов и субъективной позиции Леви-Строса важно отметить, что он называет в числе своих учителей К. Маркса; резко критикует модернистские течения в современном искусстве, отдавая свои симпатии реалистическому, поднимает свой голос против геноцида, осуществляемого империализмом, против эксплуатации.^{ix}

Читатель поневоле свыкался с такой и подобной специфической информацией и с россыпью многоточий в разорванном купюрами тексте. Возможно, однако, поступать следовало как раз наоборот: быть готовым довольствоваться пусть самым малой ложкой меда — языку много не надо, чтобы понять вкус, — но без дегтя. У конформиста на это, конечно, был готов ответный резон, что хороший мед не для всех. Общая загрязненность словесной среды служила элитному автору (служит и до сих пор) надежным оправданием своего права не делиться ни с кем чистотой источников, к которым он припал. В конце предисловия он формулировал свою цель:

vii Для служебного пользования. Экз. № 00315. Клод Леви-Строс. Структурная антропология (сборник переводов). М.: ИНИОН АН СССР 1980, с. 11.

viii Там же, с. 7.

ix Там же, с. 12.

Задача данного сборника [...] в том, чтобы шире познакомить наших обществоведов с трудами крупного современного структуралиста и обеспечить тем самым возможность их глубокого критического осмысления, оценки с принципиальных марксистских позиций.ⁱ

Сколько ни вкладывалось иронии в эту стандартную формулу, именно она оседала под конец в памяти. Навык обзора, охвата, огульной оценки с предвзятых позиций, вовсе не обязательно марксистских, насаждался и упрочивался, формируя интеллектуальный облик революционного десятилетия.

В «сборниках», ответственным редактором которых значилась Рената Гальцева, мы не найдем марксистских формул. Здесь берегли чистоту текста. Но та же привычка обзора с птичьего полета, историософского обобщения, режущей оценки, пусть теперь уже скрытно антимарксистской, просматривалась тут чуть ли даже не более прозрачно чем у менее отважных противников марксистской идеологии. Между тем в недрах власти планы отказа от этой идеологии, как уже было замечено, давно назревали. От чего власть не хотела и не могла отказаться, это как раз от глобальности размаха и радикальности приемов. Именно здесь она находила нужный отклик среди многих интеллектуалов, увлекшихся борьбой с нею на идеологическом поле.

Выставляя вперед именитую редколлегию, Рената Гальцева добилась первого в России издания Хайдеггера аккуратной целой книжечкой тиражом в 1000 экз.ⁱⁱ Но ради проходимости фактически полный перевод «Европейского нигилизма» был переделан в видимость «обзора». Правда, в Приложение вошли полностью важные тексты «Учение Платона об истине» и «Послесловие к: «Что такое метафизика?»». Заметный блок хайдеггеровских статей — «Вопрос о технике», «Наука и осмысление», «Что такое метафизика?» — был опубликован коллегами Гальцевой по ИНИОН'у без большого труда в закрытом сборнике естественнонаучной тематикиⁱⁱⁱ.

Проходимость западной современной классики на темы, сколько-нибудь приближенные к науке, была всегда сносной, как и вообще философия науки оказывалась одной из самых свободных областей гуманитарного исследования и прибежищем свободных умов. Доказать начальству необходимость

ⁱ Там же.

ⁱⁱ Для служебного пользования. № (стерт). Работы М. Хайдеггера по культуре и теории идеологий. М.: ИНИОН АН СССР 1981.

ⁱⁱⁱ Для служебного пользования. № (стерт). Проблема объекта в современной науке. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1980, с. 168-255.

именно перевода, а не только обзора, книги, в названии которой фигурировало слово «наука», было несравненно проще, чем когда речь шла о чистой философии.^{iv} Размытость тематики и отсутствие выхода на широкую публику, правда, мешали росту уровня этой маргинальной сферы. Особенно здесь сказывался недостаток открытой полемики и, в частности, уже упоминавшееся отсутствие во всей огромной практике ИНИОНа намек на какую-либо критику создававшихся в его недрах переводов и обзоров. Получив новую даровую книжку со свежими западными именами в оглавлении, счастливый пользователь меньше всего был склонен придирается к деталям. Тот же недостаток критики в основном продолжается, правда, и в сегодняшней открытой печати.

Говоря в своем предисловии к сборнику о продолжающейся работе «рассекречивания» хайдеггеровской мысли^v, Гальцева, помимо упоминавшихся выше малотиражных плохо пропечатанных на ротатипе изданий Института философии, могла сослаться и на рано опубликованную ею — с огромным трудом после двух лет отлеживания в начальственных столах — программную работу философа «Время картины мира»^{vi}.

Исполнитель заказа Гальцевой, увлеченный Хайдеггером, работал *con amore*. Он полагался на размах русского языка в передаче хайдеггеровского монументализма, особенно в концовках разделов:

Нигилизм у Хайдеггера не предмет положительного исследования и вообще не такая реальность, на которую можно было бы указать: человек всегда носит его в себе как бездну ничто, над которой взвешено его существо, даже если он в нее не заглядывает; нигилизм оказывается значением безграничной человеческой свободы, пути которой никогда заранее не определены и которая открыта как для гибели, так и для спасения.^{vii}

Он естественно думал об афганской авантюре, когда обобщал по Хайдеггеру ницшевскую мысль о «мировом господстве»:

Новому человеку эпохи идеологий нечего больше делать на земле, кроме как упрочивать абсолютное господство над ней — или поставить под вопрос свою метафизически-ни-

iv Для служебного пользования. Экз. № 000828. Макс Вебер. Исследования по методологии науки. Перевод М. И. Левиной. Части 1, 2. М.: ИНИОН АН СССР 1980.

v Работы М. Хайдеггера по культурологии..., с. 6.

vi М. Хайдеггер. Время картины мира // Для служебного пользования. № (стерг). Современные концепции культурного кризиса на Западе. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1976, с. 208-249, примечания с. 250-253.

vii Работы М. Хайдеггера..., с. 88.

гилистическую сущность. Когда летом 1940 года Хайдеггер впервые развертывал перед пустеющей аудиторией перспективу «заката истины сущего», «опустошения земли» и шествия по ней нового «человечества метафизики», «работающего зверя», немецкие армии вкатывались во Францию и готовились к высадке на Британские острова.ⁱ

Работавших в ИНИОНе и для ИНИОНа окружало тогда, как всех писавших и говоривших в России, пока еще звонкое, забытое теперь отзывчивое пространство. Малотиражность изданий мало кого смущала. Слава об открытом информационном окне на Запад широко расходилась и среди тех, до кого те издания не доходили. Окно было нужно людям, которые только мечтали о поездке за границу или, побывав для начала в Польше или пусть даже пятидневным туристом в Париже, лишь острее понимали, насколько этого недостаточно.

Жажда действия брала свое. Авторы информационных сборников, осведомленные и активные интеллектуалы, все меньше готовы были скрывать, что у них имеется продуманная альтернатива официозуⁱⁱ. С другой стороны, под рубрикой информации стали проходить самостоятельные исследования, по своей тематике — проблема нигилизма, политическая философия — пока еще недопустимые в контролируемой печати. Размышлялось и понятие «реферативного сборника», который все чаще включал переводыⁱⁱⁱ. Занимаясь своими разработками, ученые умели внушить необходимость темы и в целой серии сборников развертывали собственные идеи и обзоредали изученную литературу^{iv}.

Наконец, в том же 1987 Рената Гальцева и Ирина Роднянская в совместном занявшем почти весь сборник «обзоре», фактически книге, которая и была благополучно издана вскоре свободной прессой, пошли в почти прямое наступление на марксизм, все еще казавшийся им главным врагом, поднимая тематику идеологии вообще. Правда, они еще ссылались на «марксово истолкование этого феномена как ложного сознания»^v.

ⁱ Там же, с. 124.

ⁱⁱ Для служебного пользования. Экз. № 000808. Неоконсерватизм в странах Запада. Часть I. Социально-политические аспекты. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1982.

ⁱⁱⁱ Для служебного пользования. Экз. № 000609. Общество. Культура. Философия. Материалы к XVII Всемирному философскому конгрессу. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1983.

^{iv} Для служебного пользования. Экз. № 000788. Социокультурные утопии XX века. Выпуск 3. М.: ИНИОН АН СССР 1985; Для служебного пользования. Экз. 000915. Глобальные проблемы и будущее человечества. Выпуск 6. М.: ИНИОН АН СССР 1987.

^v Для служебного пользования. Экз. № 000069. Формирование идеологии и социальная практика. Сборник обзоров. М.: ИНИОН АН СССР 1987.

Заглядывая вперед, два автора предвидели, что поддержанное силой марксистское лжеединство может смениться нежелательным разбродом в форме размытого плюрализма, не дав шанса утвердиться единству истинному.

Вместо подлинного многообразия общественных мнений и начинаний, в идеале обеспечиваемого гражданским плюрализмом, плюралистическая идеология предлагает разнообразие мнимое, пустое, — ибо мнение, которому не дано шанса доказать свою правоту перед высшим судом истины, незначительно в буквальном понимании этого слова: в нем нет общезначимого зерна ценности и смысла.^{vi}

Обзор кончался предельно взвешенными словами, которые выражали строго антимарксистские убеждения авторов, но в то же время могли быть приняты за страстную защиту традиционных идеологических позиций. Ротапринтная печать несет здесь явственные следы интенсивной редакционной, в данном случае одновременно авторской, доработки:

Сколько бы ни усиливались антиидеологи-плюралисты обойти со своих прагматических флангов факт конфронтации «ложного сознания» и истины, он остается ключевым посредом эпохального соперничества идеологий.^{vii}

Последние ИНИОНовские «закрытые» сборники были посвящены богословию. Старательно подготовленные изложения почти всех главных книг Этьена Жильсона в 1987 году вышли еще как номерное издание^{viii}, а в следующем году — уже как открытое^{ix}.

Всего дольше засекречивалось православие. Богатый научный сборник, в который вошли сообщения о работах А. Шмемана, А.В. Карташева, С. Зеньковского, Н. Зернова, Л. Поспеловского, Г.П. Федотова, Фери фон Лиленфельд, В. Волкова с множеством важных сведений и значительной библиографией, был, пожалуй, последним изданием ИНИОН, который по каким-то причинам начальство решило засекретить^x.

1999 г.

vi Ук. соч., с. 144.

vii Там же, с. 145.

viii Для служебного пользования. Экз. № 000859. Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Реферативный сборник. Выпуск 1. М.: ИОИН АН СССР 1987.

ix Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Реферативный сборник. Выпуск 2. М.: ИНИОН АН СССР 1988.

x Для служебного пользования. Экз. № 000012. Проблемы православия в зарубежных исследованиях. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1988.